

ВЛАДИМИР СОРОКИН

Владимир Сорокин

Сердца четырёх

роман

18+

Владимир Сорокин
Сердца четырех

«Corpus (ACT)»

1994

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сорокин В. Г.

Сердца четырех / В. Г. Сорокин — «Corpus (АСТ)», 1994

ISBN 978-5-17-139403-5

«Сердца четырёх» — напряжённый, кровавый и на первый взгляд совершенно абсурдный квест четырёх героев, последовательно движущихся к загадочной, одной им понятной цели. Оставляя позади себя человеческие трупы, зловещая четвёрка словно совершает символический акт прощания с советским, попутно разрушая кино-литературные клише, привычные идеологемы и традиции. Как всегда у Сорокина, каждая сцена выстраивается для того, чтобы быть взорванной с особой жестокостью — будь то производственное совещание, будни министерства, новогодний семейный вечер или пассажирский поезд с весёлой проводницей, мчащийся сквозь снега на восток необъятной родины. Захватывающий финал романа происходит в заснеженном, мёртвом сибирском городе, двадцать семь лет назад пережившем свой «чернобыль» и навсегда покинутом людьми. Там Ребров, Ольга, Штаубе и Серёжа, прошедшие сквозь страдания и преступления, наконец обретут загадочное и заветное. Написанный в год обрушения СССР, роман подводит черту под соцартовским периодом в творчестве автора. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-139403-5

© Сорокин В. Г., 1994

© Corpus (ACT), 1994

Владимир Сорокин

Сердца четырех

Олег толкнул дверь ногой и вошел в булочную. Народу было немного. Он прошел к лоткам, взял два белых по двадцать и половину черного. Встал в очередь за женщиной. Вскоре очередь подошла.

– Пятьдесят, – сказала седая кассирша.

Олег дал рубль.

– Ваши пятьдесят, – дала сдачу кассирша.

Прижав хлеб к груди, он двинулся к выходу. Выйдя на улицу, достал полиэтиленовый пакет, стал совать в него хлеб. Батон выскользнул из рук и упал в лужу.

– Черт... – Олег наклонился и поднял батон. Он был грязный и мокрый. Олег подошел к урне и бросил в нее батон. Затем взял пакет поудобней и двинулся к своему дому.

– Эй, парень, погоди! – окликнули сзади.

Олег оглянулся. К нему подошел, опираясь на палку, высокий старик. На нем было серое поношенное пальто и армейская шапка-ушанка. В левой руке старик держал авоську с черным батоном. Лицо старика было худым и спокойным.

– Погоди, – повторил старик, – тебя как зовут?

– Меня? Олег, – ответил Олег.

– А меня Генрих Иванович. Скажи, Олег, ты сильно торопишься?

– Да нет, не очень.

Старик кивнул головой:

– Ну и ладно. Ты наверняка вон в той башне живешь. Угадал?

– Угадали, – усмехнулся Олег.

– Совсем хорошо. А я подальше, у «Океана», – старик улыбнулся. – Вот что, Олег, если ты и впрямь не спешишь, давай пройдемся по нашему, так сказать, общему направлению и потолкуем. У меня к тебе разговор есть.

Они пошли рядом.

– Знаешь, Олег, больше всего на свете не терплю я, когда морали читают. Никогда этих людей не уважал. Помню, до войны еще отдали меня летом в пионерский лагерь. И попался нам вожатый, эдакий моралист. Все учил нас, пацанов, какими нам надо быть. Ну и, короче, сбежал я из того лагеря...

Некоторое время старик шел молча, скрипя протезом и глядя под ноги. Потом снова заговорил:

– Когда война началась, мне четырнадцать исполнилось. Тебе сколько лет?

– Тринадцать, – ответил Олег.

– Тринадцать, – повторил старик. – Ты про Ленинградскую блокаду слышал?

– Ну, слышал...

– Слышал, – повторил старик, вздохнул и продолжил: – Мы тогда с бабушкой да с младшей сестренкой Верочкой остались. Отца в первый день, двадцать второго июня, под Брестом. Старшего брата – под Харьковом. А маму на Васильевском, в бомбоубежище завалило. И остались мы – стар да мал. Бабуля в больницу пристроилась, Верочку на дежурства с собой брала, а я на завод пошел. Научили меня, Олег, детской работе – снаряды для «Катюш» собирать. И за два с половиной года собрал я их столько, что хватило бы на фашистскую дивизию. Вот. Если бы не начальнички наши вшивые, во главе со Ждановым, город бы мог нормально продержаться. Но они тогда жопами думали, эти сволочи, и всех нас подставили: о продовольствии не позаботились, не смогли сохранить. Немцы Бадаевские склады сразу разбомбили, горели они, а мы, пацаны, смеялись. Не понимали, что нас ждет. Сгорело все: мука, масло, сахар.

Потом, зимой, туда бабы ходили, землю отковыривали, варили, процеживали. Говорят, получался сладкий отвар. От сахара. Ну, и в общем, пайка хлеба работающему двести грамм, иждивенцу – сто двадцать пять. Как Ладога замерзла, Верочку – на материк, по «дороге жизни». Сам ее в грузовик подсаживал. Бабуля крестилась, плакала: хоть она выживет. А потом уже, когда блокаду сняли, узнал – не доехала Верочка. Немцы налетели, шесть грузовиков с детьми и ранеными – под лед...

Старик остановился, достал скомканный платок. Высморкался.

– Вот, Олег, какие были дела. Но я тебе хотел про один случай рассказать. Вторая блокадная зима. Самое тяжелое время. Я, может, и вынес это, потому что пацаном был. Бабуля умерла. Соседи умерли. И не одни. Каждое утро кого-то на саночках везут. А я на заводе. В литейный зайдешь, погреешься. И опять к себе на сборку. Вот. И накануне Нового года приходит ко мне папин сослуживец, Василий Николаич Кошелев. Он к нам иногда заглядывал, консервы приносил, крупу. Бабулю хоронить помог. Заходит и говорит: ну, стахановец, одевайся. Я говорю – куда? Секрет, говорит. Новогодний подарок. Одейся. Пошли. И приводит он меня на хлебзавод. Провел через проходную – и к себе в кабинет. А он там секретарем парткома был. Дверь на ключ. Открывает сейф, достает хлеб нарезанный и банку тушенки. Налил кипятку с сахарином. Ешь, говорит, стахановец. Не торопись. Навалился я на тушенку, на хлеб. А хлеб этот, Олег, ты б, наверно, и за хлеб-то не принял. Черный он, как чернозем, тяжелый, мокрый. Но тогда он для меня слаще любого торта был. Съел я все, кипятком запил и просто опьянел, упал и встать не могу. Поднял он меня, к батарее на тюфяк положил. Спи, говорит, до утра. А он там круглые сутки работал. Отключился я, утром он меня разбудил. Опять накормил, но поменьше. А теперь, говорит, пойдем, я тебе наше хозяйство покажу. Повел меня по цехам. Увидел я тысячи батонов, тысячи. Как во сне плывут по конвейеру. Никогда не забуду. А потом заводит он меня в кладовку. А там ящик стоял. Ящик с хлебными крошками. Знаешь, его в конце конвейера ставили, и крошки туда сыпались. Вот. Берет Василий Николаич совок – и мне в валенки. Насыпал этих самых крошек. Ну и говорит: с Новым годом тебя, защитник Ленинграда. Ступай домой, на проходной не задерживайся. И пошел я. Иду по городу, снег, завалы, дома разбитые. А в валенках крошки хрустят. Тепло так. Хорошо. Я тогда эти крошки на неделю растянул. Ел их понемногу. Потому и выжил, что он мне крошек этих в валенки сыпанул. Вот, Олег, и вся история. А вот и дом твой, – старик показал палкой на башню.

Олег молчал. Старик поправил ушанку, кашлянул:

– И вот какая штука, Олег. Вспомнилось мне все это сейчас. Когда ты батон белого хлеба в урну выбросил. Вспомнил эти крошки, бабушку окоченевшую. Соседей мертвых, опухших от голода. Вспомнил и подумал: черт возьми, жизнь все-таки сумасшедшая штука. Я тогда на хлебные крошки молился, за крысами охотился, а теперь вон белые батоны в урну швыряют. Смешно и грустно. Ради чего все эти муки? Ради чего столько смертей?

Он замолчал.

Олег помедлил немного, потом произнес:

– Ну... знаете. Я это. В общем... ну больше такого не повторится.

– Правда? – грустно улыбнулся старик.

– Ага.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Ну и слава богу. А то я, признаться, волновался, когда с тобой заговорил. Думаю, послушает, послушает парень старого пердуна, да и сбежит, как я тогда из пионерского лагеря!

– Да нет, что вы. Я все понял. Просто... ну, по глупости это. Больше никогда хлеб не брошу.

– Ну и отлично. Хорошо. Не знаю, как другие, а я в ваше поколение верю. Верю. Вы Россию спасете. Уверен. Я тебя не задержал?

- Да нет, что вы.
- Тогда, может, теперь ты меня до дома проводишь? Вон до того.
- Конечно, провожу. Давайте вашу авоську.
- Ну, спасибо, – старик с улыбкой передал ему авоську с хлебом, положил ему освободившуюся руку на плечо и пошел рядом.
- А где вас ранило? – спросил Олег.
- Нога? Это отдельная история. Тоже не слабая, хоть роман пиши... Но хватит о тяжелом.
- Ты в каком классе учишься?
- В шестом. Вон в той школе.
- Ага. Как учеба?
- Нормально.
- Друзья есть верные?
- Есть.
- А подруги?
- Олег пожал плечами и усмехнулся.
- Ничего, пора уже мужчиной себя чувствовать. В этом возрасте надо учиться за девочками ухаживать. А через год-полтора можно уже и поебаться. Или ты думаешь – рано?
- Да нет, – засмеялся Олег. – Не думаю.
- Правильно. Я тоже тогда не думал. После блокады знаешь сколько девок да баб осталось без мужей. Бывало, идешь по Невскому, а они так и смотрят. Завлекательно. А однажды в кино пошел. Первое кино после блокады. «Александра Невского» показывали. А рядом женщина сидела. И вдруг в середине фильма чувствую – она мне руку на колено. Я ничего. Она ширинку расстегнула и за член меня. А сама так и дрожит. Я сижу. А она наклонилась и стала мне член сосать. Знаешь, как приятно. Я прямо сразу и кончил ей в рот. А на экране – ледовое побоище! А она мне шепчет – пошли ко мне. Ну и пошли к ней. На Литейный. Еблись с ней целые сутки. Что она только со мной не делала! Но сосать умела, просто как никто. Так нежно-нежно, раз, раз и кончаю уже. Тебе никто не сосал?
- Да нет, – мотнул головой Олег.
- Ничего, все впереди. Вот мы и пришли! – Старик остановился возле блочной пятиэтажки. – Вот моя деревня, вот мой дом родной. Спасибо тебе за прогулку.
- Да не за что, – Олег передал старику авоську.
- Ага! А это что за дела? – Старик показал палкой на зеленый строительный вагончик, стоящий рядом с домом под деревьями. Дверь вагончика была приоткрыта.
- Я, как старый флибустьер, пройти мимо не могу. За мной, юнга! – махнул он авоськой и захромал к вагончику.
- Олег двинулся следом.
- Дверь открыта, замка нет, свет не горит. Никак, побывали краснокожие!
- Они подошли к вагончику. Старик поднялся по ступенькам, вошел. Нашупал выключатель, пошелкал:
- Ага. Света нет. За мной, Олег.
- Олег вошел следом. Внутри вагончика было тесно. Пахло краской и калом. Уличный фонарь через окошко освещал стол, стулья, ящики, банки с краской и тряпье.
- Ну вот, – пробормотал старик и вдруг, отбросив палку и авоську, опустился перед Олегом на колено, неловко оттопырив протез. Его руки схватили руки Олега:
- Олег! Милый, послушай меня... я старый несчастный человек, инвалид войны и труда... милый... у меня радостей-то хлеб да маргарин... Олег, миленький мой мальчик, прошу тебя, позволь мне пососать у тебя, милый, позволь, Христа ради!
- Олег попятился к двери, но старик цепко держал его руки:

– Миленький, миленький, тебе так хорошо будет, так нежно... ты сразу поймешь... и научишься, и с девочками тогда сразу легче будет, позволь, милый, немного, я тебе сразу... и вот я тебе десятку дам, вот, десятку!

Старик сунул руку в карман и вытащил ком бумажных денег:

– Вот, вот, десять... двадцать, четвертной, милый! Христа ради!

– Ну что... – Олег вырвал руку и выскочил за дверь, сбив со стола банку с окурками.

Потеряв равновесие, старик упал на пол и некоторое время лежал, всхлипывая и бормоча.

Вдруг в двери показалась фигура мальчика.

– Олег! Умоляю! – дернулся старик.

– Не Олег, – тихо ответил мальчик, входя.

– Сережка? Следишь, следишь... Господи...

– Генрих Иваныч, а я Реброву все расскажу, – произнес мальчик, притворяя дверь.

– Стервец, ну, стервец... – заворочался старик, приподнимаясь, – стервечи, сволочи...

Господи, какие гады...

Мальчик подошел к окну и стоял, поглядывая на старика. Старик нашел палку, собрал деньги и, стоя на колене, засовывал бумажки в карман пальто:

– И все против меня. Все и всё. Я же не клоун, Господи...

– Вы же договор подписали, – проговорил мальчик, – а сами опять...

– Сережа... Сережа! – Старик подполз к нему, обхватил его ноги, прижался лицом к куртке. – Бессердечные... люди...

Вдруг он отстранился и почти выкрикнул:

– Вот что, стервец, ты меня не учи!

– Я-то учить не буду. Ребров будет учить.

– Я плевать, плевать хотел! – затрясся старик. – Я срал и ссал на вас! Срал и ссал! Гады!

Я сам ответственный! Сам!

– Мы все – сами... – мальчик посмотрел в окно.

– И вот что, Сережа, – строго произнес старик. – Ты со мной не пререкайся!

– А я и не пререкаюсь, – мальчик подышал на стекло и вытер запотевшее место пальцем.

– Ну-ка, – старик стал расстегивать ему штаны.

Мальчик недовольно вздохнул и стал помогать ему. Обхватив мальчика за обнажившиеся ягодички, старик поймал ртом его маленький член и замер, постанывая. Сережа подышал на стекло и вывел на запотевшем месте свастику. Старик стонал. Жилистые пальцы его мяли Сережины ягодички. Мальчик взял его за голову и стал двигаться, помогая. Старик застонал громче. Оттопыренный протез его дрожал, ударяя по ножке стола. Мальчик закрыл глаза. Губы его открылись.

– Тесно, – проговорил он.

Старик замычал.

– Тесно, тесно... – зашептал Сережа. – Тесно... ну... тесно...

Старик мычал. Мальчик дважды вздрогнул и перестал двигаться. Старик отпустил его, откинулся назад и задышал жадно, всхлипывая.

– Ах... ах... сладенький... ах... – бормотал старик. Мальчик наклонился, потянул вверх штаны. – Ох... Божья роса... маленький... – Старик поцеловал его член, вытер губы и тяжело встал с пола.

Сережа застегнулся, поправил куртку, достал из кармана часы на цепочке:

– Без трех семь.

– Еби твою мать... щас, щас... фу... – привалился к ящикам, взявшись рукой за грудь. – Дай подышать... ох...

– А газ? Не забыли? – спросил Сережа.

– Все... все в порядке... ой. Как встал вот резко, так сразу в голову... фу... пошли... – Старик оттолкнулся от ящиков, вышел за дверь и стал осторожно спускаться по ступенькам.

– Генрих Иванович, а хлеб? – Выходя, Сережа заметил авоську с батоном.

– А, хуй с ним, – пробормотал старик.

Старик позвонил в дверь: три коротких, один долгий. Дверь сразу открыли, они с Сережей быстро вошли.

– Генрих Иванович, как это понимать? – спросил Ребров, запирая дверь на цепочку. – Сережа?

– Как понимать, как понимать, – забормотал старик, расстегивая пальто. – Так понимать, что мне не тридцать пять, а шестьдесят шесть...

– Виктор Валентинович, час пик еще не кончился, – Сережа снял шапку и кинул ее на вешалку.

– Двадцать минут! Куда это годится? – Ребров помог старику снять пальто.

– Ну, ничего, ничего, – бормотал старик, снимая калошу концом палки.

Пройдя по коридору, они вошли в большую пустую комнату. Пестрецова сидела на подоконнике и курила.

– Штаубе, милый! Сереженька! – Она спрыгнула, подошла и поцеловала обоих.

– С приездом, Ольга Владимировна, с приездом, – засмеялся старик.

– Оля! – улыбнулся мальчик.

– Нарушители! – засмеялась она.

– Друзья, это печально, а не смешно, – Ребров склонился над раскрытым чемоданом. – Если все пойдет с издержками, я вообще плюну. У меня в Киеве любимый человек.

– Витя, не сгущай, – Пестрецова бросила папиросу на пол и придавила сапожком. – Еще вагон времени.

– Да и куда... куда, собственно, спешить-то? Что, поезд уходит? – Штаубе заглянул в чемодан. – Ой-ей-ей... Виктор Валентинович, вы время даром не теряли.

Чемодан был полон различных инструментов, металлических деталей, брусков и пластин.

– Не терял, – Ребров нашел широкую стамеску с плексигласовой ручкой, молоток и выложил их на пол. – Баллончики у вас?

– У меня, – Штаубе полез в карман.

– Держите при себе, – Ребров закрыл чемодан, выпрямился. – Так. Прошу внимания.

Он подошел к окну, плотнее задернул грязные шторы, повернулся и заговорил, потирая руки:

– Итак. То, что будет сегодня, к вашему сведению, не Дело № 1, а Предел № 1. Соответственно наклонный ряд, капиталистическое и яросвет будут сокращены. Начнем.

Все стали раздеваться, складывая одежду на пол.

Пестрецова помогла старику снять протез с культи. Голый Ребров подошел к большому кубу, стоящему в углу комнаты. Куб был сбит из толстой фанеры, к одной из его сторон были приделаны четыре кожаные петли. Ребров присел, продел руки в петли и встал, держа куб на спине.

Ольга и Сережа подвели к кубу Штаубе.

– Крышку, – командовал Ребров.

Ольга сняла с куба верхнюю грань и положила на пол. Затем они с Сережей помогли голому Штаубе забраться в куб.

– Есть... – пробормотал Штаубе из куба.

Ольга поместила грань на прежнее место, закрывая Штаубе. Сережа подал ей молоток и четыре гвоздя. Она вставила гвозди в четыре отверстия по углам верхней грани и прибила грань к кубу.

– Как? – глухо донеслось из куба.

– Держу, держу, – ответил Ребров, расставляя ноги пошире.

Ольга легла между его ногами лицом вниз. Сережа лег своей спиной на спину Ольги.

– Все! – громко произнес Ребров.

Штаубе откашлялся и заговорил:

– 54, 18, 76, 92, 31, 72, 72, 82, 35, 41, 87, 55, 81, 44, 49, 38, 55, 55, 31, 84, 46, 54, 21, 13, 78, 19, 63, 20, 76, 42, 71, 39, 86, 24, 91, 23, 17, 11, 73, 82, 18, 68, 93, 44, 72, 13, 22, 58, 72, 1, 83, 24, 66, 71, 62, 82, 12, 74, 48, 55, 81, 24, 83, 77, 62, 2, 29, 33, 71, 99, 26, 83, 32, 94, 57, 44, 64, 21, 78, 42, 98, 53, 55, 72, 21, 15, 76, 18, 18, 44, 69, 72, 98, 20.

Затем заговорила Ольга:

– Сте, ипу, аро, сте, чае, пои, сте, гое, ува, сте, ого, ано, сге, зае, хеу, сте, ача, лое, сте, эжэ, ити, сте, аву, убо, сте, ене, оло, сте, одо, аве, сте, иже, аса, сте, уко, лао, сте, шуя, саи, сте, нае, яко, сте, диа, сае, сте, ира, сию, сте, ява, юко, сте, зао, мио, сте, хуо, дыа, сте.

После Ольги заговорил Сережа:

– Синий, синий, желтый, оранжевый, синий, красный, зеленый, зеленый, желтый, фиолетовый, голубой, красный, зеленый, фиолетовый, желтый, голубой, синий, зеленый, оранжевый, оранжевый, красный, фиолетовый, желтый, желтый, синий, голубой, красный, зеленый, синий, фиолетовый, голубой, оранжевый, оранжевый.

Потом запел Ребров:

– Соль, до, фа, фа, соль, ми, ре, ля, фа, фа, си, соль, до, до, си, соль, фа, ре, ля, ля, ми, си, до, ре, ре, фа, соль, си, ля, до, ля, фа, соль, ми, фа, ля, ля, до, ре, ми, си, фа, ля, соль, ре, ми, ля, до, ми, ля, ля, соль, до, фа, ля, си, ре, до, си, си, ре, фа, ми, си, до, соль, соль, до, фа, ля, си, ми, ми, ля, ре, до, ми, си, си, до, фа, ля, соль, ми, си, ре.

Сережа встал. Встала и Ольга. Они помогли Реброву опустить куб на пол. Ребров вынул руки из петель, взял стамеску и вскрыл прибитую грань.

– Оп! – Штаубе вылез из куба, запрыгал на одной ноге к протезу. Ольга помогла ему надеть протез и подняла с пола его длинные зеленые трусы.

– А вот это я сам, Ольга Владимировна. Спасибо, – он забрал у нее трусы, прислонился к стене и проворно надел их.

– Все прекрасно, – Ребров вынул из фанеры гвозди, пристроил грань на место. – Все, все хорошо, только, Сережа, произноси отчетливей, не глотай окончания.

– Ага, – Сережа, сидя на полу, натягивал носки.

– И резкость, резкость, – заметил Штаубе. – Резко и ясно. Раз! Раз! Раз!

Когда все оделись, Ребров посмотрел на часы:

– Так. Двинулись.

Они вышли в коридор, стали надевать верхнюю одежду.

– Генрих Иваныч, баллончики, – сказал Ребров.

Штаубе достал из кармана три баллончика.

– Один у вас, два – нам с Ольгой Владимировной, – Ребров взял баллончик, Ольга взяла другой.

– А тряпки? – спросил Сережа, надевая шапку.

– Да! Тряпки! – спохватился Ребров. – В ванной.

Он зашел в ванную и вернулся с четырьмя мокрыми шерстяными тряпками:

– Вот. Всем. И будьте внимательны, пожалуйста. В левой руке, значит, сейчас – в левый карман. Теперь... поддержка?

Ольга похлопала себя по внутреннему карману куртки:

– Здесь.

Штаубе сунул руку в карман пальто:

– Да, да.

– Отлично, – Ребров надел кожаную фуражку. – Ключ?

Сережа передал ему брелок с ключом.

– Все? – Ребров посмотрел в глаза Ольги...

Она кивнула.

– Ну, двинулись, – он открыл дверь...

– С Богом, – шепнул Штаубе, вышел и стал спускаться по лестнице. Остальные спустились следом.

Во дворе Ребров с Ольгой направились к серым «жигулям», старик с мальчиком прошли через арку на улицу. Ребров завел машину, развернулся, поехал. Штаубе и Сережа подсели у разбитого газетного киоска.

– Сережа, ты сколько времени в розыске? – спросил Ребров, вырвав на Садовое кольцо.

– Три месяца и шесть дней, – ответил мальчик.

– Три месяца! – покачал головой Штаубе. – Как все быстро...

– Значит, тебя возле твоего дома каждая собака узнает, – проговорил Ребров.

– Узнает, – кивнул Сережа, – старухи на лавочке точно узнают.

– Там лавка у подъезда?

– Ничего, я его проведу, – Ольга чиркнула спичкой, закуривая.

– А может – ночью? – предложил Штаубе.

– Безумие. Весь дом спит, все слышно...

– Да проведу я его, никто не узнает!

– Ну, ну.

Проехали Zubовскую площадь и перед Крымским мостом свернули на Фрунзенскую набережную.

– Тогда вот как, – заговорил Ребров. – Сначала я пройду, потом Генрих Иванович. А потом уже вы с Сережей.

– Как скажете, – вздохнул Штаубе.

– Сережа, теперь говори мне...

– Шас, вот «Гастроном», а следующий наш. Мой. Ага. Тогда мы здесь встанем.

Ребров свернул и припарковал машину на обочине, за бежевой «Волгой».

– Еще раз, – он повернулся. – Помните про тряпки. И поддержка, в случае. Ольга Владимировна, здесь я на вас надеюсь.

– Не беспокойся, – улыбнулась Ольга.

– Третий подъезд. Там направо, – подсказал Сережа.

Ребров вылез из машины и пошел во двор дома. Возле третьего подъезда на лавочке сидели две старухи. Он поднял воротник пальто и быстро вошел в подъезд. Поднялся по лестнице на третий этаж и встал возле мусоропровода.

Минуты через четыре приехал на лифте Штаубе. Почти сразу же следом появились Ольга с Сережей.

– Так, – Ребров мотнул головой, и они подошли к добротной обитой двери. Он вынул ключ, но потом опять убрал в карман: – Нет. Звони сам.

– По второму? – спросил Сережа.

– Да. Оля.

Ольга расстегнула куртку. Сережа позвонил.

– Кто там? – спросил за дверью женский голос.

– Мама, это я, – ответил Сережа.

Дверь открыли, и Сережа сразу же бросился на шею стоявшей на пороге невысокой блондинке:

– Мамочка! Мама!

– Сергей! Сергей! Сергей! – закричала женщина, сжимая Сережу. – Коля! Коля! Сергей!

К ним подбежал худощавый мужчина, схватил голову Сережи, прижался.

– Сергей! Сергей! Сергей! – вскрикивала женщина.

– Мамочка, папа, подождите... я не один...

– Сергей! Сергей! Я не могу! Я не могу! – тряслась женщина.

Мужчина беззвучно плакал.

– Мамочка... я здесь, я живой, подожди, мамочка.

– Лидия Петровна, не волнуйтесь, все позади, – произнес Ребров, улыбаясь.

– Да. Слава Богу, – усмехнулся Штаубе.

– Не могу! Сергей! – дрожала женщина, прижавшись к Сереже.

– Мама... подожди, это... это Виктор Валентинович и Ольга Владимировна из уголовного розыска... мама...

Мужчина первым пришел в себя:

– Проходите, проходите... пожалуйста... – Он вытер лицо ладонями, потянул женщину за руку. – Лида, успокойся, все, все хорошо.

– Мама... ну, мамочка, подожди...

– Да, да, проходите... Сережа, ой, Сергей. – Обняв Сережу, она отошла с ним в сторону.

Ребров, Ольга и Штаубе вошли. Мужчина закрыл за ними дверь.

– А я ведь только вчера звонил вашему... ну, этому, Федченко, – с трудом проговорил мужчина. – А он говорит... это... ищем, ищем.

– Вчера – не сегодня, – улыбался Ребров.

– Ой, у меня сердце разорвется! – Женщина взялась руками за виски и покачала головой. – Сергей, Сергей... что же ты с нами сделал?

– Ну, не он один виноват, – проговорил Ребров.

– Все оказались виноваты, – тихо добавила Ольга.

– Ой... ну вы проходите, что же тут. – Не отпуская Сережу, женщина вошла в комнату.

– Мы на минуту, – сказал Ребров, и все прошли в комнату.

– Где же ты был, где же ты мог быть? – качала головой женщина.

– Да. Наделал дел... – Мужчина опустился на диван, но, спохватившись, встал. – Товарищи, вы садитесь, чего ж...

– Спасибо, нам рассиживаться некогда. – Ребров сунул руки в карманы пальто. – Сережа, скажи теперь. Про наш сюрприз.

– Да, мама, у нас сюрприз, – Сережа освободился от объятий. – Вот, мама, и ты, пап, сядьте сюда, на диван, и послушайте. Только это, не перебивайте.

– Не перебивать будет трудно, – усмехнулась Ольга.

– Попробуем, – со вздохом женщина села на диван. Мужчина сел рядом.

– Теперь тряпки, – спокойно произнес Ребров.

Все четверо вынули мокрые тряпки и приложили их к лицу, прикрывая нос и рот. Выбросив вперед правую руку с баллончиком, Ребров прыснул аэрозолем в лицо мужчине и женщине. Беспомощно вскрикнув, они схватились за лица и сползли с дивана на пол.

– Назад, дальше! – скомандовал Ребров, отбегая от упавших, и все попятись к окну.

По телам мужчины и женщины прошла судорога, и они застыли в неудобных позах.

Не отнимая тряпки от лица, Ребров сунул баллончик в карман:

– Оля. Только без суеты.

Прижимая левой рукой тряпку к лицу, Ольга вынула из внутреннего кармана куртки спортивный пистолет со сложной рукояткой и с цилиндром глушителя на конце ствола, подошла к лежащим.

– В упор не надо, – подсказал Штаубе.

Умело и быстро прицелившись, Ольга выстрелила в головы лежащих.

– И еще, – скомандовал Ребров.

Снова раздались два глухих хлопка, головы лежащих дернулись, пустые гильзы покатались по полу.

– И еще полминуты, – Ребров подождал немного, потом сунул тряпку в карман. – Можно. Все убрали тряпки. Ольга спрятала пистолет, Сережа подобрал четыре гильзы.

Ребров распахнул левую полу своего пальто, из разных карманчиков вынул большие хирургические ножницы, пробирку с пробкой, флакончик с прозрачной жидкостью.

– Сначала мать, – Ребров передал пробирку и флакончик Штаубе. Ольга с Сережей перевернули труп женщины на спину. Лицо ее залила кровь, глазное яблоко было вырвано из глазницы.

– Генрих Иваныч, – пробормотал Ребров, склоняясь с ножницами над лицом трупа.

Штаубе откупорил и поднес пробирку. Ребров быстро отстриг губы и опустил их в пробирку. Штаубе залил губы прозрачной жидкостью из флакончика и закупорил пробирку.

– Так, – Ребров вытер испачканную в крови руку о кофту трупа, – теперь отец.

Ольга с Сережей перевернули труп мужчины, расстегнули и спустили с него штаны, спустили трусы.

– Сережа! – Ребров оттянул крайнюю плоть на члене, отстриг головку и быстро вложил в рот наклонившемуся Сереже, Сережа стал сосать головку, осторожно перекачивая ее во рту. Ольга вытерла ему губы платком.

– Шкатулка в спальне? – Ребров взял у Ольги платок и вытер им ножницы.

Сережа кивнул и махнул рукой. Ольга вышла. Ребров убрал к себе в пальто пробирку с губами, флакончик и ножницы. Ольга вернулась с небольшой арабской шкатулкой в руках. Ребров достал из кармана черную нейлоновую сумку, Ольга положила в нее шкатулку.

– Так, – Ребров огляделся. – Все?

– Единственно вот водички попить, – Штаубе захромал на кухню.

– Ты взять ничего не хочешь? – спросил Ребров Сережу.

Сережа сосредоточенно сосал головку...

– Сережа? – Ольга тронула мальчика за плечо.

Он посмотрел на нее и отрицательно качнул головой. Но потом вдруг вышел из комнаты и быстро вернулся с плюшевым крокодилком. Крокодил был старый, прорванный в нескольких местах.

– А-а-а. Ну, ну, – Ребров кивнул, взглянул на трупы. – Ну, двинулись.

Они вышли из комнаты в прихожую.

– Генрих Иваныч, вы скоро? – Ребров подошел к двери.

– Иду, иду. – Штаубе вышел из кухни.

– Значит, теперь мы с вами, а потом они с Сережей.

– Лады.

Ребров открыл дверь и вышел. Вслед за ним вышел Штаубе.

Ольга закрыла за ними дверь, привалилась к ней спиной. Сережа разглядывал крокодила, посасывая головку.

– Соскучился? – спросила Ольга.

Он кивнул.

– Давно он у тебя?

Сережа показал три пальца.

- Три года? А чего такой ободранный?
– Ба... бушкин, – с трудом проговорил он.
Ольга приложила ухо к двери, послушала. Сережа тоже прижался к двери.
– Все. Пошли, – Ольга открыла дверь.
Они вышли, Ольга осторожно прикрыла дверь, взяла Сережу за руку и повела вниз по лестнице.
– Внизу так же, – пробормотала она.
Когда стали выходить из подъезда, Сережа обхватил Ольгу руками и зарычал.
– Витя, прекрати! – громко произнесла она.
Сережа прижал лицо к ее куртке и зарычал сильнее.
– Витя, Витя! – засмеялась она. – Ты не маленький, прекрати.
Они вышли из подъезда, миновали сидящих на лавочке старух. Шел крупный снег.
Обнявшись, они прошли двор и повернули к машине. Завидя их, Ребров завел мотор и стал разворачиваться.
– Ну, не подавился? – Ольга открыла заднюю дверцу «жигулей».
– Ум-ум, – ответил Сережа, забираясь с крокодилом в машину.
Ольга не торопясь оглянулась и села следом.
– Благополучно? – Ребров переключил скорость.
– Благополучно, – Ольга с облегчением откинула голову на сиденье.
– Свет погасили?
– Нет.
– Напрасно, – Ребров стал выруливать на набережную.
– Ты не сказал, – Ольга достала портсигар, открыла.
– Ольга Владимировна, – заворчал Штаубе, – вы же не дитя.
– Я не дитя, – Ольга продула папиросу, прикурила.
– Дайте-ка и мне, – Ребров поднял руку, Ольга вложила в нее папиросу.
Ребров закурил, резко выпустил дым:
– Плоховато. Но... ладно, что теперь.
– Я могу вернуться, – усмехнулась Ольга.
– Да уж! – хмыкнул Штаубе. – Вернуться. Дорого яичко ко Христову дню, Ольга Владимировна.
– Сережа, когда дядя обещал приехать? – спросил Ребров.
Мальчик выплюнул головку в руку:
– На Новый год.
Ребров кивнул. Выехали на Садовое кольцо.
Ольга достала пистолет, вынула обойму, вставила в нее недостающие четыре патрона.
Сережа разглядывал головку.
– Ты давай соси по-честному, – Ольга оттянула затвор.
Мальчик взял головку в рот и стал вертеть в руках крокодила.
– Был я сегодня на Черемушкинском рынке, – проговорил Ребров.
– Дорого? – спросил Штаубе.
– Мясо от пятнадцати до двадцати пяти. Огурцы соленые – семь. Груши – десять.
– Да, – Штаубе покачал головой. – Какой грабеж!
– А ты шиповника купил? – Ольга убрала пистолет.
– Да.
– Ольга Владимировна, как вы съездили в Петербург? – спросил Штаубе.
– Ужасно.
– Seriously? Что-то стряслось?

– Да, это печальная история, – Ребров поморщился от попавшего в глаза дыма. – История человеческой черствости, равнодушия, убожества.

– Я приехала утром, навестила Бориса, взяла рубцовые. Потом съездила к Илье Анатоличу, передала вар и четвертый. Он живет за городом, пока добралась, пока что. Устала, как черт. Ну и как всегда, к бабуле. Думаю, залезу сейчас в ванну, выпью коньяку...

– О, да, вы любите! – засмеялся Штаубе.

– Приехала, звоню в дверь. Никого. Звонила час. Потом зашла к соседям. Живут лет пятнадцать рядом, знают бабулю только в лицо. Говорят, давно не видали. Звоню ее единственной подруге, Марии Марковне. Она уже месяц не может дозвониться. Говорит, звоню, звоню, никто не подходит. Ей тоже восемьдесят два, но она совсем не выходит. Бабуля-то все сама делала и в магазины ходит. Вот. Пошла к домоуправу. Вызвали участкового, слесаря, взяли понятых. Взломали дверь. Ну и сразу по запаху стало ясно. Входим. И...

– Ольга Владимировна, не надо, прошу вас, – Штаубе закрыл уши ладонями.

– Ну и... я первый раз в жизни видела червивого человека. Червивую бабушку. Там просто была кожа, а внутри черви. Они шевелятся, и кажется, что она хочет ползти. Приехали из морга и попросили клеенку, чтобы бабулю поднять. И когда понесли...

– Ольга Владимировна! Ольга Владимировна! Я прошу вас! Я очень прошу вас! – закричал Штаубе, зажимая уши. – Если я прошу, если я очень прошу! Зачем же вы! Ну!

– Извините, Штаубе, милый. Я просто устала, – Ольга откинулась на сиденье. – Я прямо с поминок – сюда.

– Ужасно, ужасно, – тряс головой Штаубе. – И ведь никто не придет, не позвонит. Какие все-таки люди стали. Боже мой!

– Да, – вздохнул Ребров. – И мы еще удивляемся черствости нашей молодежи. Хотя виноваты в этом сами.

– Да нет, я же помню военные, послевоенные годы! – Штаубе снял шапку, пригладил седые волосы. – Как тяжело было, как плохо жили! Но я совсем не помню людей равнодушных! Было все: хамство, скупость, дикость, но только не равнодушие! Только не равнодушие!

Сережа выплюнул головку в ладонь:

– А я не равнодушный?

– С тобой все в порядке, – улыбнулся Ребров.

– Ты у нас просто Тимур! – засмеялась Ольга. – Правда, без команды. Что, устал сосать?

Дай мне тогда...

Наклонившись, она губами взяла головку с Сережиной ладони, покачала головой.

– Хорошо? – спросил Сережа.

Ольга кивнула.

Свернули на проспект Мира. Снег падал крупными хлопьями. Проехали по Ярославскому шоссе, свернули направо. Дорога пошла сквозь заснеженный лес и километра через три уперлась в ворота трехметрового зеленого забора.

Ребров посигналил.

– Уф-ф... неужели доехали, – закричал Штаубе, надевая шапку.

– Виктор Валентиныч, а почему здесь всегда снега больше, чем в Москве? – спросил Сережа.

– Северное направление. Холоднее.

Рядом с воротами отворилась дверь, вышел милиционер в наброшенном на плечи тулупе.

Ребров опустил стекло.

– Добрый вечер! Вас тут снегом не завалило?

– Приветствую, – милиционер подошел, посмотрел, повернулся и скрылся за дверью.

Ворота медленно открылись. Машина стала въезжать.

– У вас закурить не найдется? – Милиционер стоял возле маленького здания вахты.

– Найдется, – Ребров притормозил. – Ниночка, где наши папиросы?

Ольга передала портсигар. Ребров раскрыл, протянул милиционеру.

– Спасибо. Игорь Иванович не приедет?

– Нет. До Нового года вряд ли.

Милиционер чиркнул спичкой. Поехали дальше по прямому заснеженному шоссе. В густом хвойном лесу виднелись редкие очертания дач. Свернули направо и снова уперлись в забор с воротами. Ребров вышел, отпер и отворил ворота:

– Сережа, закрой.

Въехали. Сережа вылез, закрыл и юркнул в машину. Метров через сто среди сосен показался большой двухэтажный дом. Машина подъехала к нему и остановилась. Стали вылезать.

– Ой, – Штаубе, морщась, захромал к дому. – Виктор Валентинович, надо бы дорожку расчистить...

Ребров взял из багажника две сумки:

– Завтра, все завтра.

Сережа слепил снежок, бросил в спину Ольги. Не оборачиваясь, Ольга погрозила ему кулаком.

Вошли в дом. Штаубе зажег свет. Разделись в просторной прихожей, повесили одежду на огромные лосиные рога. Ребров протянул Ольге коричневую сумку:

– Это сразу на кухню. И готовить.

– Да, Ольга Владимировна, готовить, готовить, умоляю, готовить, – Штаубе осторожно снимал калоши. – Я обедал в двенадцать, в страшной забегаловке. Ужасно голоден.

– А я вообще не обедал, – Сережа ловко кинул шапку на рога. – Виктор Валентинович, а можно Воронцова посмотреть?

– Подожди, все пойдем.

– Ну, можно я!

– Нет, нет. Ты мне сейчас нужен. Идем в кабинет. – С черной сумкой в руке Ребров стал подниматься по широкой, устланной ковром лестнице на второй этаж.

– Ну... – Хлопая крокодилком себя по ноге, мальчик нехотя последовал за ним.

Ольга на кухне загремела посудой. Штаубе скрылся в уборной.

Ребров вошел в кабинет, зажег настольную лампу, вынул из сумки шкатулку, положил на стол. Достал пробирку с губами, посмотрел на свет.

– Так.

Сережа рассматривал корешки многочисленных книг.

– Виктор Валентинович, а что такое термодинамика?

– Термодинамика? – Ребров поставил пробирку в кассету, рядом с другими пробирками. – Честно говоря, точно не знаю... подойди, пожалуйста, сюда.

Ребров открыл шкатулку. Сережа подошел. В шкатулке лежали документы, деньги, пачка писем, ювелирные изделия в коробочках, театральный бинокль, отделанный перламутром.

– Анищенко Николай Николаевич. – Ребров раскрыл паспорт. – Повтори про усы еще раз.

– Усы были, когда переехали с Моховой, потом два раза была борода, а усов не было. И последний раз, последний, то есть, год были только усы.

– Так. – Ребров раскрыл тетрадь, сделал в ней пометки, потом взял ножницы и стал вырезать фотографии из паспорта. – И еще раз о шахматах.

– Ну, – Сережа положил крокодила на край стола и загнул ему хвост, – каждое воскресенье, в Парке культуры, в шахматном павильоне. Там были Сергей Иваныч, потом Костя, потом такой Толик.

– С суставом?

– Ага.

Ребров убрал фотографии в конверт.

– А можно я бинокль возьму? – спросил Сережа.

Ребров покачал головой:

– Это невозможно... На сегодня хватит. Завтра поговорим о толстяке и о ребрах. Иди посмотри мультфильмы.

Мальчик поднял крокодила над головой и вышел.

На ужин Ольга приготовила телятину с тушеной айвой и жареным картофелем. Выпили бутылку шампанского. Ребров ел и пил молча. Штаубе рассказывал о почтовых голубях и о своем плаванье по Волге на теплоходе «Максим Горький». После мороженого с орехами и чая Ребров закурил, устало провел рукой по лбу:

– Что ж... спасибо, Ольга Владимировна. Пойдемте к Воронцову?

– Да, да! – встрепенулся Штаубе, вытирая губы салфеткой. – Пойдемте, а то поздно, и вообще... нехорошо.

– Генрих Иванович, – Ольга показала на плавающую в стакане с водой головку.

– Да, да, – Штаубе вынул головку и осторожно вложил себе в рот. Все встали из-за стола.

– Идите, я приду, – Ольга закурила, направляясь на кухню. Ребров, Штаубе и Сережа прошли в темную комнату, расположенную рядом с кухней. Все четыре стены в комнате были заняты полками, тесно заставленными консервами, спиртным и другой провизией. Посередине пола была крышка погреба, запертая на задвижку. Ребров оттянул задвижку, открыл крышку. Из темного люка хлынул запах человеческого кала. Люк был затянут металлической решеткой. Ребров взял с полки электрический фонарь, осветил в люк:

– Андрей Борисович, добрый вечер.

На дне глубокого бетонного мешка заворочался человек. Он был без ног и без правой руки и лежал в собственных испражнениях, густо покрывших пол бункера. На нем был ватник и какое-то тряпье, все перепачканное калом. В углу стояли динамо-машина с ручкой и присоединенный к ней электрообогреватель.

– А я... – хриплым голосом произнес Воронцов, глядя вверх.

Бородатое лицо его было худым и коричневым от кала.

– Как дела? – Ребров осветил Воронцова. – Машина работает? Не мерзнете?

– Ну... все это... работает, и работает исправно, – проговорил Воронцов, помолчал и заговорил быстро и неразборчиво: – Я, я, Георгий Адамович, я постоянно тру и крутить готов, ну, там, когда есть и необходимое, все будет и уже работает, я знаю все, ну, так сказать, возможности и прошлый раз я усвоил и готов к исправлению, готов к, ну, разным, готов быть в форме и знать то, что вам и мне и что нужно знать, что необходимо знать, я готов.

– Замечательно, – кивнул Ребров. – Культа не кровит?

– А я... я это, – затряс головой Воронцов. – Я же вот... вот... как все необходимо.

Он торопливо вынул из ватника и показал обмотанный тряпьем обрубок руки.

Ребров кивнул и переглянулся со Штаубе. Штаубе показал ему большой палец.

Вошла Ольга с большой миской вареного картофеля, поверх которого лежали кусок хлеба и кусок сала. Ольга поставила миску на решетку, стряхнула пепел папирасы в бункер:

– Привет, Воронцов.

Воронцов задвигался, прополз к противоположной стене, неотрывно глядя вверх:

– А... Татьяна Исаковна... я... просто...

– Он что, опять без маковых? – спросила Ольга. Ребров кивнул. Сережа взял картофелину и бросил вниз. Воронцов упал на пол, накрыл картофелину рукой, подтянул к себе и зачмокал.

– Так, – Ребров хлопнул в ладоши. – Начнем, Андрей Борисович, прошлый раз вы нас разочаровали. Разочаровали настолько, что я, признаться, собрался на все махнуть рукой. И я бы это сделал, уверяю вас, если бы не был по внутреннему складу человеком добрым и благо-

душным. Это во-первых. И во-вторых, если бы Борис Иванович, – он посмотрел на Штаубе, – за вас не заступился.

Штаубе кивнул.

– Так что сегодня, Андрей Борисович, ваш последний шанс. Отнеситесь к нему серьезно.

Поймите, что ваше будущее в ваших руках.

– В вашей голове, – добавила Ольга.

– Да, да, – кивнул Ребров и спросил громче обычного: – Итак, Воронцов, вы готовы?

Воронцов выполз на середину пола бункера, сел:

– Я да. Я да.

– Тогда, пожалуйста, № 1.

Воронцов откашлялся и заговорил, старательно проговаривая слова:

– Если я люблю море и все, что похоже на море, и больше всего, когда оно гневно противоречит мне, если есть во мне та радость искателя, что гонит корабль к еще неоткрытому, если есть в моей радости радость мореплавателя, если некогда ликование мое восклицало: берег исчез, теперь пали с меня последние цепи, беспредельность шумит вокруг меня, вдали от меня блестит пространство и время, ну, что ж, вперед, старое сердце. О, как же страстно не стремиться мне к вечности и к брачному кольцу колец, к кольцу возвращения. Никогда еще не встречал я женщины, от которой хотел бы иметь я детей, кроме той женщины, что люблю я. Ибо я люблю тебя, о вечность.

Он замолчал, неотрывно глядя вверх.

– № 2, – скомандовал Ребров после небольшой паузы.

– Я это, это да... вот. Акт дефекации – сложно-рефлекторный акт, в котором принимают участие кора головного мозга, проводящие пути спинного мозга, периферические нервы прямой кишки, мускулатура брюшного пресса и толстого кишечника. Рефлекс на дефекацию возникает в прямой кишке при раздражении ее каловыми массами, и, следовательно, она является не только трактом для одномоментного прохождения, но и местом для временного скопления каловых масс. Различают несколько типов дефекации: одномоментный и двух-, или многомоментный. При дефекации первого типа все совершается одномоментно, быстро: после нескольких напряжений брюшного пресса выбрасывается все содержимое, скопившееся в прямой кишке и сигме...

– А что такое сигма? – громко спросила Ольга.

– Сигма... сигма – это отдел толстого кишечника, находящийся над прямой кишкой, являющейся продолжением нисходящего отдела толстой кишки. При дефекации второго типа, двухмоментной, в первый момент выбрасывается лишь часть содержимого, скопившегося в прямой кишке. Через несколько минут после выбрасывания первой порции каловых масс очередная перистальтическая волна выталкивает содержимое из сигмы в прямую кишку, вследствие чего появляется повторный позыв на дефекацию.

Ребров вздохнул, посмотрел на Ольгу. Она устало потерла виски и зевнула. Штаубе с сердитым лицом сосал головку. Сережа, шевеля губами, читал надпись на иностранных бутылках.

– № 3, – произнес Ребров.

– Примеры искусственно выломанного основания черепа, по-видимому, для того, чтобы добраться до мозга, – быстро и с облегчением заговорил Воронцов. – Рассматриваются как доказательства каннибализма. Слева сверху череп из Штейнхейма, справа череп неандертальца из Монте-Чирчео, внизу современный папуасский череп с Новой Гвинеи и доисторическая находка из Моравии. Скопление мезолитических черепов. Захоронение из пещеры Грея дю Кавийон, Гримальди, Италия. Три крупных каменных орудия архаического типа, изготовленные из твердой вулканической породы. Северная Австралия. Уникальный маленький гарпун с тремя рядами ровных...

– Ну хватит, хватит, хватит в конце концов! Сколько можно! – вдруг раздраженно выкрикнул Штаубе, выплюнув головку в руку. Воронцов смолк.

– Виктор Валентинович! – негодовал Штаубе. – Если вы позволяете глумиться над собой, над своей душой, то хотя бы пощадите наши души!

– И наши уши, – тихо добавила Ольга и, тяжело вздохнув: – Ужасно, как все ужасно...

– А что... стень? – повернулся к ним Сережа.

– Нельзя потворствовать негодяям, нельзя! Я старый человек, Виктор Валентинович, я могу понять и простить многие человеческие слабости, я христианин! Я могу простить невежество, хамство, жестокость, даже – подлость! Но только не глумление над человеческой душой! Никогда! А ты... – он наклонился над решеткой. – Ты... негодяй! Если ты... если ты плюешь, пренебрегаешь, если ты... – голос Штаубе задрожал. – Если ты... ты... ты знай... нет! Господи...

Он повернулся и вышел из кладовой.

Ольга загасила окурочек о торец полки, бросила его в бункер и тоже вышла.

– Что, опять – стень? – Сережа подошел к Штаубе.

– Сережа, – Ребров снял с решетки миску с картошкой. – Пожалуйста, отнеси это на кухню.

– Слушаюсь и повинуюсь, – Сережа взял миску и вышел.

Ребров долго молчал, сложив руки на груди и опустив голову. Потом заговорил:

– М-да. Итак, Андрей Борисович, подведем итоги. Выводов за эти четыре дня вы не сделали, это – раз. Я переоценил ваше нравственное начало, это – два. Я недооценил ваш плебейский прагматизм. Три. Приговаривать вас к четвертой ампутации – банально и в данной ситуации лишено всякого смысла. Наше решение вам было известно заранее.

Ребров с грохотом захлопнул бункер крышкой, запер ее на задвижку. Поднял с пола фонарь, поставил на палку и вышел.

Штаубе, Ольга и Сережа ждали его в столовой. Ольга складывала грязную посуду, старик с сердитым лицом сосал головку, Сережа крутил кубик Рубика.

Ребров подошел к столу, рассеянно взял из вазы яблоко, откусил.

– И Генрих Иванович, и я тебя предупреждали, – сказала Ольга.

Ребров отошел к окну. За окном было темно и падал снег.

– Оль, а он по пальцам не показывал, не делал? – спросил Сережа.

Ольга отрицательно качнула головой.

– Он просто хунвейбин! – Штаубе выплюнул головку в руку. – Я вам, Виктор Валентинович, говорил еще месяц назад, когда вы одевали первую пробу! Нравственность у этого типа вообще отсутствует! Это мыслящее животное! Этот негодяй с невероятным хладнокровием, с прямо-таки адской наглостью пользовался вашей снисходительностью!

– Нашей снисходительностью, – вставила Ольга.

– И потом, что это за тон, что на тропино? Почему, например, тогда, перед праздником он молчал и показывал – три? И почему теперь все псу под хвост? Почему нет фаллей? Почему мы опять в дураках?

Ребров жевал яблоко, глядя в окно.

– А вы знаете, – Сережа рассматривал собранный кубик, – Генрих Иванович сегодня опять приманивал слюнявчиков.

Ребров повернулся. Ольга замерла с тарелкой в руках. Штаубе стал приподниматься с кресла, зажав в кулаке головку.

– Генрих Иванович, – произнес Ребров и, бросив яблоко, кинулся к Штаубе.

– Нет! Ебанный! – закричал Штаубе, замахиваясь палкой на Сережу, но Ребров перехватил его руку, завернул за спину.

Ольга схватила левую руку старика:

– Головку! Отдайте головку!..

– Ебанный! Ебанный! Стервец! – кричал Штаубе.

Ребров сдавил ему горло, старик захрипел, упал на колено. Ребров отбросил в сторону его палку. Ольга разжала пальцы старика и тут же вложила головку в подставленный Сережей рот.

– Сережа, пластырь и наручники! – скомандовал Ребров.

Сережа выбежал.

– Вы... вы только гадить... не дам... – хрипел Штаубе в руках Реброва.

– Вы же подписали! Вы подписали! Как же так! Ольга Владимировна, кушетку... кушетку...

Ольга отодвинула от стены узкую кожаную кушетку.

Вбежал Сережа с пластырем и наручниками.

– Нет... сте... рвцы... сами же... нет, – хрипел Штаубе.

Ребров и Ольга подтащили его к кушетке и положили на нее лицом вниз.

– Сережа, – скомандовал Ребров.

Сережа залепил старику рот пластырем. Затем, навалившись втроем, они обхватили руками старика кушетку и защелкнули на них наручники. Ребров сел на ногу Штаубе, Сережа крепко схватился за протез.

– Ольга Владимировна, у меня в кабинете, в столе, в нижнем ящике. Слева. И над большой конфоркой, она быстрее нагревает.

– Я знаю, – Ольга быстро вышла.

– Где это было? – спросил Ребров.

– Там... на Новаторов. После Борисова когда. Я за резиной сбежал, а потом вернулся. А Генрих Иваныч в булочной...

Ребров мрачно кивнул. Штаубе со стоном дышал носом.

– Генрих Иваныч, – медленно проговорил Ребров, – сегодня вы меня очень огорчили. Очень. Получать такие ножи в спину... это, знаете, больно. Это гадко.

Он привстал и принялся расстегивать штаны старика. Штаубе замычал. Сережа помогал Реброву. Они спустили черные потертые брюки старика до колен, стянули трусы. Ребров закатал на спину кофту с рубашкой. На левой ягодице Штаубе стояли два клейма размером с рублевую монету, в виде креста в круге. Одно клеймо было совсем старым, другое, судя по темно-лиловому цвету, – недавним.

– Наш союз, наша дружба, Генрих Иванович, держится не только на взаимной любви. Но и на вполне конкретных взаимобязательствах. Оскорбляя, унижая себя, вы оскорбляете и унижаете нас. Сережа, пописай в чашку.

Мальчик отпустил протез, подошел к столу и немного помочился в чашку.

Вошла Ольга, держа в руках небольшой саквояж и толстый стальной прут с деревянной рукояткой, к концу которого было приварено стальное тавро – крест в круге. Тавро было раскалено.

Штаубе забился, застонал. Ребров сильнее прижал его ногу к кушетке:

– Рядом с Бородинским, здесь... Сережа! Протез...

Сережа поставил чашку с мочой на пол, схватился за протез. Ольга примерилась и прижала тавро к ягодице старика. Зашипела раскаленная сталь, показался легкий дымок, Штаубе забился на кушетке. Ольга отняла тавро, взяла чашку, вылила мочу на багровое клеймо. Затем раскрыла саквояж, вынула пузырек с маслом шиповника, вату и стала осторожно смазывать ожог:

– Вот... Штаубе, милый... и все позади...

Голова старика тряслась, из глаз текли слезы.

– И по сонной, Ольга Владимировна, сразу по сонной, – пробормотал Ребров.

Ольга не торопясь, закрыла пузырек, достала и распечатала одноразовый шприц, распечатала и насадила иглу.

– Сережа, голову поддержи...

Мальчик прижал голову Штаубе к кушетке. Ольга щелкнула по ампуле, переломила, вытянула шприцем содержимое. Штаубе мычал к плакал.

– Сейчас, милый... – Она умело воткнула иглу в сонную артерию, медленно ввела прозрачную жидкость. Штаубе дернулся всем телом, слабо застонал, закашлял через нос. Сережа отпустил его голову, она осталась лежать на боку. Ребров слез с ноги старика и осторожно снял пластырь с его рта.

– До... по петел... – слабеющим голосом произнес старик. – Вы... вы не... плохо...

Ребров снял с него наручники. Ольга накрыла ожог пропитанной маслом марлей и залепила пластырем. Штаубе спал. Его раздели догола, сняли протез и перенесли в спальню, где облачили в пижаму и уложили в кровать.

– Пусть завтра спит, сколько может, – Ребров накрыл Штаубе толстым стеганым одеялом.

– Да кто же его будет будить, – Ольга погладила старика по голове.

Сережа выплюнул головку в руку:

– Ну я пойду кино посмотрю.

– Какое кино, Сережа, – Ребров глянул на часы. – Первый час уже. Спать, немедленно.

У нас завтра масса дел.

Мальчик со вздохом передал ему головку:

– Спок но.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Сереженька, – поцеловала его Ольга. Мальчик вышел.

– Устал... – Ребров потер виски.

– Хочешь коньяку? – спросила Ольга.

Он рассеянно кивнул.

– Пошли в каминную.

– В каминную? – Ребров посмотрел на головку, потом на спящего Штаубе. – Двинулись.

Ольга погасила свет, Ребров сунул головку в рот. Ребров сидел в кресле и смотрел в зажженный камин. Ольга, сидя на ковре по-турецки, наливала в стаканы вторую порцию коньяка.

– Где бодрый серп гулял и падал колос, теперь уж пусто все... просто везде... – пробормотал Ребров и устало вздохнул. – Да, да, да. Если мы в четверг не выйдем на Ковшова, брошу все к чертям. И – в Киев.

– А мы? – Ольга подала ему стакан.

– Вы? Вы... – Он пригубил коньяк. – Не знаю, не знаю. Сами поедете, сами доберетесь.

– Ну что ты говоришь, – улыбнулась Ольга. – Как это мы сами доберемся?

Он раздраженно дернул головой:

– Ольга Владимировна! Я уже три месяца бьюсь лбом в стену. Я потерял: Голубовского, Лидию Моисеевну, Цветковых. Мы потеряли блок. Генрих Иваныч сжег теплицы. Вы оставили третье оборудование. Сережа о Денисе ничего не помнит и, я полагаю, не вспомнит. А значит, получать круб, получать беленцы мы будем вынуждены через Ленинград. Только через Ленинград. Вот перечень наших потерь. А что же мы приобрели? Разрушенную, разваленную до основания мастерскую? Никому не нужные связи? Бессмысленные вычисления Наймана? Бесплезные шесть миллионов?

– Но ведь Ковшов обещал...

– Ковшов? Обещал? Вы его хоть раз в глаза видели? Нет. И я не видел. В нашем положении верить телефонному разговору – явная глупость. Но вынужденная. Поэтому я и пошел на

договор. Нет, нет ничего, кроме паллиативов. Сплошная полоса зависимости и вынужденных ходов.

– Витя, но мы же завершили с металлом. И Найман сказал, что у ребят получилось.

– У ребят получилось! Да! Но из этого вовсе не следует, что получится у нас. Если вы так уверены, почему же тогда голосовали против? Из принципа? Или все-таки из-за неуверенности?

Ольга молча отпила из стакана. Ребров залпом допил свой коньяк и поставил стакан на пол:

– Конечно, оптимизм – это хорошо. Это то, что не позволяет нам опустить руки. Пока работаем, делаем, что можно. Но опираться следует все-таки на теорию вероятности, на жесткий расчет. И все радужные фантазии отбросить. Раз и навсегда.

Он помолчал, глядя в огонь, потом произнес:

– Ольга Владимировна. Давайте поебемся.

Ольга удивленно подняла брови:

– Что... прямо сейчас?

Он кивнул. Ольга искоса взглянула на его напрягшийся член, улыбнулась и стала раздеваться. Ребров встал, снял брюки и трусы. Раздевшись, Ольга подошла к Реброву. Он повернул ее спиной к себе, она облокотилась на спинку кожаного кресла. Ребров вошел в нее сзади и стал нетерпеливо двигаться, громко стоная. Ольга прижалась щекой к спинке и смотрела в огонь. Ребров стал двигаться быстрее, откинулся назад, потом схватил Ольгу за плечи, прижался к ней, замер и зарычал ей в волосы.

– Витя... – прошептала она и улыбнулась.

– Ой... даже слюни потекли... – Ребров вытер рот рукой, отошел и в изнеможении упал на диван. – Ой... Ольга Владимировна... простите меня... Пожалуйста...

– За что же? – Она потрогала себя между ног, понюхала руку.

– Простите... за все меня простите, – бормотал Ребров.

– Я приду сейчас. – Она вышла и вернулась минут через пять, завязывая на ходу пояс белого махрового халата.

Ребров спал на диване. Ольга принесла одеяло, накрыла его, взяла свою одежду, головку в стакане и пошла к себе в комнату.

Сережа проснулся раньше всех. За окном светило солнце. Часы показывали 9.22. Сережа вылез из-под одеяла, потянулся, встал. На нем были красные трусы и белая майка с эмблемой рок-группы «Роллинг стоунз». Он вышел в холл, подошел к двери Ольгиной комнаты и осторожно приоткрыл. В комнате было сумрачно из-за плотно сдвинутых фиолетовых штор. Ольга спала. Сережа тихо вошел, прикрыл за собою дверь, подошел к кровати и стал медленно стягивать с Ольги одеяло:

– Однажды отец Онуфрий, обходя окрестности, обнаружил обнаженную Ольгу.

Ольга вздохнула:

– Сереженька...

– Ольга, отдайся, озолочу, – Сережа потрогал ее грудь.

Она зевнула, повернулась на спину, открыла глаза:

– Который час?

– Двадцать пять ебут десятого, – Сережина рука скользнула ей в пах.

Ольга шлепнула его по руке, села:

– Открой эти... шторы...

Сережа потянул за шнурок, шторы разошлись, солнце залило комнату.

– Ой, какая прелесть, – Ольга сощурилась, потеряла глаза. – На лыжах пойдем... Виктор встал?

– Не скажу.

– Абсолютно. Ольга Владимировна, голубушка, налейте мне еще сока.

Ольга встала и принялась разливать всем апельсиновый сок из хрустального кувшина. Когда дошла очередь Сережи, он накрыл стакан ладонью и буркнул:

– Не буду.

Ольга протянула ему левую руку с согнутым мизинцем. Сережа, помедлив, нехотя взялся своим мизинцем за Ольгин.

– Мирись, мирись, мирись и больше не дерись, – сказала Ольга.

– А если будешь драться, то я буду кусаться, – пробурчал Сережа.

Ольга поцеловала его в голову и налила ему сока. Ребров допил кофе, вытер губы салфеткой:

– Друзья. С вашего позволения, я воспользуюсь свободной минутой для небольшого сообщения. Я не сказал вам вчера, но и, по-моему, к лучшему. Брикетты от Голубева не поступили.

Ольга замерла со стаканом в руке. Штаубе перестал жевать:

– Как... как не поступили?

Ребров отрицательно покачал головой.

– А Маша? – Ольга поставила стакан.

Он снова качнул головой.

– Но, Виктор Валентиныч, я не понимаю! – повысил голос Штаубе. – Тогда как нам понимать прикажете ваши воскресные показания? И Маша? Что же получается, нас водят за нос? Я не понимаю ничего, объясните мне толком!

Ребров вздохнул:

– Дорогой Генрих Иванович. В воскресенье я сказал про педагогов. Вы должны это помнить.

– Да! Я и помню! – взвизгнул Штаубе. – Помню! Как вы позволили, вы дали этой твари, этой... ебаной суке обещать! Обещать и довериться! Как она смеялась, как согласилась! Блядь эта! И вы, вы заступились за Мишаню! Вы! Вы! – Он резко и неуклюже встал, опрокинув стакан с соком. – И я, я вам говорю! Я говорю вам, что я презираю Мишаню! Я срал на орловские! Срал! Я срал и ссал на ваши упражнения с ним! Я срал на эти вонючие деньги! Они, видите ли, поставили нам условие! Прошли пару черных! Благодетели! Нет! – Он постучал пальцем в стол. – Вы не закончите с третьим! Нет, нет! И не надо мне подробностей! Не надо этих фокусов с челюстью! Я не клоун вам, Виктор Валентиныч! Я не Найман! Не этот... не эта тварь! Блядская! У-у-у, мрази! – Лицо Штаубе побелело, в глазах блеснули слезы. – Я, я старик! Старик! И я, по-вашему, должен вот для этой ебаной, блядской гадины доставать! Да?! Я, инвалид, больной человек?! Я должен ублажать Злотникова?! Идти в исполком?! Забирать?! С этими сволочами ездить?! Да?! Да?! И комки?! Да? И плиты? Я?! И вы равнодушно с этим смиряетесь? Вы?! Вы?!

Ребров поднял опущенную голову и тихо произнес:

– Промежуточный блок у меня.

Штаубе замер:

– Как это?

– Еще пятнадцатого. Лежит у Тамары Алексеевны.

Штаубе перевел недоумевающие глаза на Ольгу. Она кивнула.

– Ну... – Штаубе пожал плечами, – тогда...

Он помолчал, сосредоточенно глядя в стол, и пробормотал:

– Тогда... простите старика.

– Да бросьте, – Ребров посмотрел на часы, – итак, в двенадцать раскладка. Прошу всех быть в полной готовности. И более профессионально, чем в прошлый раз. Завтра – дело № 1. Помните, пожалуйста, про это. И о наклонном.

– Не забудем, – Штаубе накрыл салфеткой лужицу сока, понюхал воздух и наклонился к сидящему рядом Сереже. – Фу! Да ты, никак, набздел!

Сережа удивленно потянул носом:

– Я... нет...

– Запустил шипуна и помалкивает! А, Виктор Валентиныч?

Ребров встал:

– Жду вас в двенадцать.

Раскладку проводили в маленькой комнате рядом с кабинетом Реброва. Когда все сели на стулья по углам расстеленной на полу развертки, Ребров бросил эбонитовый шар на середину. Шар остановился на «радости». Ольга закрыла лицо руками.

– Ничего, ничего, – успокаивающе улыбнулся Ребров.

Она положила обе свои пластины на 6. Штаубе тронул жезлом красное. Сережа пометил «стену-затвор». Ребров оттянул по второму, сдвинул сегмент к «коню», тронул шар. Шар показал «рассеянье».

Ольга переставила левую пластину на 27. Штаубе прошел кольцом желтое и «борк». Сережа провел мелом по «стене-маяку». Ребров оттянул по шести и девятке-кресту, сдвинул сегмент к «кунице», тронул шар. Шар показал «доверие». Ольга переставила правую пластину на 18. Штаубе тронул жезлом синее и завершил петлю. Сережа стер «стену-затвор», пометил «стену-препятствие». Ребров оттянул по двенадцати, сдвинул сегмент на поле, тронул шар. Шар показал «согласие». Штаубе в раздражении бросил жезл. Ольга плакала. Ребров раскрыл список, нашел нужную страницу:

– 9, 46, 21, 82, 93, 42, 71, 76, 84, 36, 71, 12, 44, 47, 90, 65, 55, 36, 426.

Штаубе развел руками:

– Только вага, стри и воп.

Ребров кивнул, закрыл книгу. Ольга плакала навзрыд.

– Ну я пойду? – встал со стула Сережа.

Ребров кивнул. Сережа вышел. Штаубе встал и захромал следом. Ребров посмотрел на плачущую Ольгу:

– Ольга Владимировна, вам придется...

– Я знаю, знаю! – рыдала Ольга.

Ребров помолчал, забрал шар, сегмент, жезл и вышел. До обеда Ребров и Штаубе работали над первым блоком, а Ольга с Сережей отправились на лыжах в лес. Проехав километра три ельником, они остановились посередине большой поляны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.